

О НЕВОЛЬНОМ ДИЛЕТАНТИЗМЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Оксана Назарова

В статье на основе анализа понятий «профессионализм» и «дилетантизм» предпринимается попытка оценить границы их применимости к философии. Указывается, что начиная с XIX в. одним из основных критериев профессионализма в философии становится принадлежность философа к университету. Выдвигается тезис о том, что дилетантизм в философии невозможно однозначно оценить как отрицательное явление, поскольку такая оценка опровергается самой историей философии. Анализируется феномен «невольного дилетантизма» русской эмигрантской философии, обусловленный отлучением ее представителей от университетов высшего ранга вследствие высылки из России в 1922 г. Исследуется статус образовательных институций, основанных русской эмиграцией, и делается вывод о том, что они представляли собой, скорее, народные университеты, которые не являлись академическими в полном смысле этого слова. Ставится вопрос о том, что делает лишенных институциональности философов профессионалами. Выдвигается тезис, что в условиях вынужденной маргинализации профессиональное философское мышление выражается в разных формах. В качестве примера «нестандартных форм» философствования приводятся публичные лекции и письма. Используются материалы из книги Т. Оболевич «Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре» (2023). Высказывается предположение о том, что применение методики сетевых взаимодействий Р. Коллинза в исследовании русской эмигрантской философии могло бы помочь противостоять попыткам ее депрофессионализации.

Ключевые слова: институционализм, профессиональная философия, университетская философия, философский дилетантизм, русская эмигрантская философия, Тереза Оболевич, Р. Коллинз.

Институт персонального тренинга и консультирования (Мюнхен, Германия)

The article, based on an analysis of the concepts of “professionalism” and “amateurism,” attempts to assess the limits of their applicability to philosophy. It is pointed out that, starting from the 19th century, one of the main criteria of professionalism in philosophy has been the philosopher’s affiliation with the university. The thesis is put forward that amateurism in philosophy cannot be unequivocally assessed as a negative phenomenon, since this assessment is refuted by the very history of philosophy. The conclusions obtained in the article are used to reflect on the phenomenon of “involuntary amateurism” of Russian emigrant philosophy, which refers to the excommunication of its representatives from top-ranking universities as a result of the forced expulsion from Russia in 1922. The status of educational institutions founded by Russian emigrants is examined, and the conclusion is made that they were, rather, people’s universities, which were not academic in the full sense of the word. The question is raised about what makes philosophers deprived of institutionalization as professionals. The thesis is put forward that in the conditions of forced marginalization, professional philosophical thinking could find its expression in various forms. Public lectures and epistolary heritage are analyzed as examples of “non-standard forms” of philosophy making. The analysis is based on the materials published in the book “Semyon Frank in European and emigrant culture” written by Teresa Obolevich in 2023. In conclusion, it is suggested that the use of the methodology of network interactions by R. Collins could be used in the study of Russian emigrant philosophy to help resist attempts to deprofessionalize it.

Keywords: institutionalism, professional philosophy, university philosophy, philosophical amateurism, Russian emigrant philosophy, Teresa Obolevich, R. Collins.

О понятии «профессионализм». Философия как профессия

Пожалуй, первое, что приходит на ум, когда речь идет о *профессионализме*, – это хорошее владение своей профессией, показатель *качества* выполняемой работы. И в этом смысле профессионализм является синонимом к слову *«мастерство»*, а значит, становится способом *самоутверждения* и основой для *самооценки* субъекта профессиональной деятельности.

Заниматься каким-то делом профессионально также означает посвятить себя этому *делу целиком и полностью*, сделать его своим *призванием*. Так, например, в немецком языке понятия «профессия» и «призвание» являются однокоренными словами: «Beruf» – это «профессия», «Berufung» – «призвание». А Макс Вебер в своей знаменитой мюнхенской речи 1917 г. под названием «Наука как профессия» [35] (в русском переводе «Наука как призвание и профессия» [26]) идет еще дальше и понимает профессиональную деятельность как *божественное призвание*, на что указывает переводчик данного текста П.П. Гайденко в своих примечаниях.

Если понимать профессионализм как *интегральную* характеристику человека труда, то – именно в силу интегральности – можно было бы долго перечислять его характеристики, как это делает, к примеру, ведущий специалист СССР и России в области психологии профессионаведения Е.А. Климов. В работе «Пути в профессионализм» им было изучено и проанализировано более пятидесяти трактовок данного понятия [9]. Но говоря о профессионализме в философии, хотелось бы сразу перейти к такому его признаку, который, начиная с XIX в. (как в России, так и в Западной Европе¹) приобретает особое значение. Речь идет о принадлежности философов к *университетам*.

Как пишет П.П. Гайденко в предисловии к упомянутой речи М. Вебера, «проблема университета» в Германии «всегда выступала» «как проблема воспитания в широком смысле слова и тесно взаимосвязывалась... с судьбами *человеческой культуры вообще* [курсив мой. – О.Н.]» [6, с. 244]. Как в XVIII–XIX вв. у Фихте и Гегеля, так и в XX в. «в выступлениях Теодора Литта и Карла Ясперса» развивается мысль «о *великой воспитательной роли университета*» [6, с. 244]. Гайденко связывает это «с протестантским характером религиозности» [6, с. 244], доминирующей в Германии и связанной с этим рационализацией духовной жизни. По ее мнению, «именно протестантизм сделал возможным тот факт, что немецкая философия во многих отношениях смогла взять на себя роль, которую в католических странах играла *церковь* [курсив мой. – О.Н.]» [6, с. 244]. Это представление об университете как *храме науки и философии*, как *храме духовности*, по сути дела, было воспринято и в России.

¹ Как указывает В.А. Куренной в своей лекции «Философия как профессия», начало «специализации научного знания как такового» в университетах было положено в XIX в., в связи с чем философия становится профессией. А до этого времени философ был просто синонимом ученого [12].

Таким образом, институционализм становится одним из основных критериев профессионализма в философии. При этом не только *социальным*, когда философ благодаря принадлежности к университету получает статус, место в обществе и доход, но и *ценностным*.

По мнению Ю.Н. Солонина, «*профессиональнее, совершеннее* [курсив мой. – О.Н.] та философия, которая закрепляется на кафедрах университетов». «Именно университет является главным носителем хорошо разработанных и развитых духовных ценностей» [цит. по: 13], философских в том числе.

Парадоксальность ситуации, кажется, состоит в том, что любого человека, даже поверхностно знакомого с историей европейской философии, а тем более получившего философское образование, не затруднит назвать имена тех философов, которые оставили значительный след в истории философии и при этом не только не имели никакого отношения к университетам (или их «роман» с университетом был весьма краткосрочным), но и жестко критиковали университетскую философию, как это делал, к примеру, Артур Шопенгауэр, который, скорее всего, и является автором данного термина. По его мнению, устремления университетской философии сводятся к тому, чтобы «честно заработать хороший кусок хлеба... и получить известный авторитет в глазах людей», «а глубокую душу истинного философа, все великое рвение которого заключается в том, чтобы отыскать ключ к нашему столь же загадочному, сколько и неппрочному бытию», она причисляет «к мифологическим существам» [30]. То есть, по его мнению, университетская философия утрачивает дух истинной философии и становится просто способом заработка.

С точки зрения различных систем по ранжированию философов, например разработанной Карлом Ясперсом в его работе «Великие философы» [31], статус профессора философии, даже принимая во внимание его глубочайшую образованность, отнюдь не предполагает способности к созданию собственной философии и потому не обеспечивает автоматически включенность в число «великих». Данный статус имеет иную – *ценностную и функциональную* – нагрузку. Именно эти специалисты обеспечивают сохранение и передачу философской традиции, являются *посредниками* между оригинальными философами и учащейся публикой [18].

А.В. Малинов в своей работе «Пути профессиональной философии в России» также пишет о том, что «принадлежность профессиональной философии университетской системе едва ли позволяет ожидать от нее значительных философских достижений» [14, с. 354] и что «профессиональная философия в России была наименее философской и наименее русской» [14, с. 349].

О понятии «дилетантизм». Дилетантизм в философии

Понятие «дилетантизм» происходит от латинского «delecto» – *улаждаю, забавляю*. Авторы работы «Дилетантизм как проблема новейшей европейской цивилизации» В.П. Соломин, К.С. Пигров и К.В. Султанов как раз и обращают внимание на то, что «профессионалы и дилетанты выполняют социальные роли, восходящие еще к архаике – роли жрецов и шутов... Жрец-профессионал... всегда серьезен, спокоен и величав... Ди-

летант представляет себя как шут. Как маргинал в профессии он несет в себе *колическую* стихию» [19, с. 72].

Примечательно, что немецкий степуновед Кристиан Хуфен в своем выступлении на конференции 2006 г. в Дрездене, указывая на восприятие Федора Степуна «в научных кругах ФРГ» как дилетанта, иллюстрирует свое утверждение посредством описания не просто архаичности, но *анекдотичности* образа Ф. Степуна: «В шестидесятых годах для левых студентов этот человек с его христианским антикоммунизмом представлялся *пережитком времен* Аденауэра. “Лик России и лицо революции” – уже от самого названия его книг веет старомодностью. ... Попадает ли тем самым Федор Степун в ту же категорию, что и сморщенная старуха с карикатуры Лориота, гордо восседающая рядом с антикварной мебелью? Подпись под картинкой гласит: “Семье Куславчук из Бремена повезло. Они купили недорого секретер и няню из Бидемайера, которая рассказывает анекдоты времен войны за освобождение”» [21, с. 493].

Большая советская энциклопедия определяет дилетантство как *любительство*, т. е. «занятие какой-либо областью науки или искусства без специальной подготовки, при *поверхностном* [курсив мой. – О.Н.] знакомстве с предметом» [2]. И все же следует согласиться с тем, что «однозначная морализаторская оценка дилетантизма как *отрицательного* [курсив мой. – О.Н.] явления – конечно же – невозможна» [19, с. 68]. Так, например, И.Ю. Васильев указывает на одну из негативных сторон профессионализма в сравнении с дилетантизмом – это *давление авторитетов*. По его мнению, «отсутствие почитания характерных для данного профессионального сообщества идолов позволяет делать прорывные открытия» [5]. Таким образом, дилетантизм стимулирует *самостоятельность* мышления.

В этой связи вспоминается то, каким образом немецкий исследователь П. Элен оценивал значимость основных произведений С.Л. Франка. Так, например, «Предмет знания» – пожалуй, лучшая работа университетского периода творчества Франка – не вызывала у него восторга, несмотря на то, что он блестяще перевел ее на немецкий язык [33]. Причиной тому была излишняя «академичность» данного текста. А вот работы «Свет во тьме» и «С нами Бог», созданные Франком в период его вынужденной дилетантизации, когда он был отлучен не только от университетов, но и практически от книг [см.: 3, с. 202–214], вызывали у него неподдельный интерес. По мнению П. Элена, они представляют собой *феноменологию личного религиозного опыта*, и в этом их особая ценность [25, с. 175–191].

Дилетантизация русской философии как следствие эмиграции?

Если теперь перейти от прояснения понятий непосредственно к русской философии, то следует указать на то, что одним из катастрофических последствий постреволюционной эмиграции российской философской элиты в Западную Европу явилось отлучение ее представителей от университетов *высшего ранга*. В результате высокопрофессиональные и образованнейшие специалисты были сведены до уровня «дилетантов от философии» и даже в определенной степени маргинализированы.

А.А. Ермичев в своем выступлении «“Золотой век” русской философии и его закат» высказал – прямо-таки ницшеанскую – идею о том, что золотой век русской философии закончился с высылкой ее носителей за рубеж. Основная причина тому – отрыв от университетов. Стоит процитировать один отрывок из его речи: «Удивительное явление русская философия XIX – начала XX века. Подумать только, первый ее лепет мы слышим в кружке Любомудров в 1822 году, а ровно через сто лет в 1922 году русская философия, достигшая высокого уровня развития, покидает Россию. Каким же интенсивным и богатым было движение нашей мысли, если на протяжении двух, трех, максимум четырех поколений она достигла таких высот как Бердяев, Лосский, Франк, Ильин, Булгаков, Богданов. Каждый *свободно оперирует* материалами всей истории мировой философии современного ее состояния. Сама философия обладает развитой инфраструктурой производства идей – университетские кафедры, общества, собрания, конгрессы, периодическая печать, специализированные издания. И не то важно, что их работы становятся известны в Европе, а то, что достигнутое ими качество позволяет сравнивать ее с качеством современной европейской философии. Кто знает, если бы не революция 1917–1922 годов, то, возможно, европейцы ездили бы в Москву, Петербург и Казань обучаться философским дисциплинам» [8].

Как пишет в работе «Русские философы-эмигранты» В.И. Красиков, присоединиться к западноевропейской философской элите удалось тем русским философам, «которые только входили в состояние зрелости в межвоенное время I и II мировых войн» [10, с. 180]¹. «Благодаря молодости и элитному образованию» им удалось «успешно преодолеть культурно-языковой барьер» и стать своими в инокультурном окружении [10, с. 180]. А тех философов, которые сделали карьеру в России и покинули страну в возрасте 40–50 лет, ждала преимущественно иная участь.

Вряд ли можно согласиться с мнением А.А. Ермичева о том, что «золотой век» русской философии закончился в 1922 г., поскольку одним из признаков значимости философа является разработка собственной оригинальной и полноценной философской системы и создание трудов (а русская философская эмиграция продолжила делать эту работу вопреки чудовищным условиям существования). В то же время нельзя согласиться и с мнением В.И. Красикова, что философы «сумели... реализовать... свой потенциал и в эмиграции» [10, с. 176] *в полной мере*.

Указание на то, что в эмиграции русские философы не были полностью лишены институциональности, мало что меняет: они преподавали в учебных заведениях, которые сами же и основали². Но здесь возникает

¹ В.И. Красиков называет в этой связи А.В. Кожевникова (Кожева), А.В. Койранского (Койре), Г.Д. Гурвича, И. Берлина.

² «Ученые общества, русские учебные заведения возникли в Югославии, Болгарии, Великобритании, Италии, Польше, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Эстонии, Чехословакии, Латвии, Германии, Франции, Китае и в близкой к развалу Османской империи (в частности, в Константинополе)» [22, с. 21]. К наиболее известным из них в Европе относятся Русский научный институт в Берлине, Русская религиозно-философская академия в Берлине и в Париже, Свято-Сергиевский пра-

вопрос о *статусе* этих учебных заведений, который определяет их престижность и весомость. И теперь тема профессионализма и дилетантизма получает свое преломление в плоскости статуса или престижности университета. Как утверждают авторы уже упомянутой статьи «Дилетантизм как проблема новоевропейской цивилизации», «*престиж образовательного учреждения*» обеспечивает «*стандарт профессионализма*» [19, с. 69]. Гарантом престижности университета является не только преподавательский состав, но и качественный состав абитуриентов и студентов, право выдавать дипломы различного уровня и степень их признания.

Безусловно, «русская интеллигенция принесла в эмиграцию лучшие традиции российского академического образования» [22, с. 21], в том числе и негосударственных учебных заведений. К примеру, Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского¹. Однако, несмотря на высокий уровень преподавания, полноправными высшими учебными заведениями эти институции не были и их дипломы. Если таковые выдавались, реальной силы не имели, поскольку изначально речь шла о подготовке кадров, которые должны были сослужить свою службу на родине, вернувшись туда после крушения власти большевиков².

Подавляющее большинство высших учебных заведений, основанных русской эмиграцией, являли собой, скорее, народные университеты. В результате «*золотой фонд*» *российской философской мысли по своей статусности фактически «скатился» на самодеятельный уровень*. Общей картины не меняют редкие исключения вроде Федора Степуна, которого как этнического немца пригласили на работу в Дрезденский технический университет, или Льва Карсавина, который получил место в новообразованном Каунасском университете, статус которого на тот момент был не очень высок³.

Обращает на себя внимание, что Франк в своих немецких публикациях никогда не указывал на свою принадлежность к Русской религиозно-философской академии. Он обозначал себя либо как «Prof. Simon Frank, Berlin», указывая на место своего проживания, либо как «Simon Frank, ehem. Prof. der Philosophie an der Universität Petersburg»⁴, то есть «Семен Франк, бывший профессор философии университета Санкт-Петербурга». Участие в работе Русской религиозно-философской академии статуса ему не придавало. Предпочтительнее было называться бывшим

вославный богословский институт в Париже, Русский народный (потом свободный) университет в Праге.

¹ См. о народных университетах [16].

² Исключение составляет, пожалуй, Русский юридический институт (1922–1933), который уже в 1922 г. стал управляться Пражским Карловым университетом [22, с. 22]. А также диплом Франко-русского института – высшей школы социальных, политических и юридических наук, который был приравнен к дипломам французских университетов.

³ Университет Витовта Великого был основан в 1922 г. Л.П. Карсавин переехал в Литву в январе 1928 г.

⁴ В работе «Über die Strömungen in der russischen Philosophie der Gegenwart» [33].

профессором университета такого уровня, как Санкт-Петербургский университет¹.

О критериях профессионализма неуниверситетских философов и нетрадиционных формах выражения философского мышления

Если профессиональная философия – это философия университетская, то следует задаться вопросом о том, что делает философов, лишенных институциональности или «опустившихся» вниз в институциональной иерархии, профессионалами, «настоящими философами».

Полагаем, это в первую очередь *профессиональное мышление*. И здесь мы сталкиваемся с проблемой, что общее его понимание «остается на уровне представления, а не понятия» [1, с. 9]. К примеру, Г.Г. Валиуллина пишет о том, что профессиональное мышление может рассматриваться и как «характеристика *качества*, уровня совершенства мышления, и как *особенности мышления* специалиста, обусловленные характером профессиональной деятельности... и как *процесс решения профессиональных задач*» [4, с. 1].

На мой взгляд, суть профессионального мышления состоит не только в «специализации мыслительных действий сообразно особому виду труда» [1, с. 16] (в применении к философии это означает, что должна демонстрироваться определенная *техника философствования*), но и в том, «что работа (занятие, дело)» [1, с. 16], то есть сам процесс философствования, «выступает главной его детерминантой для его носителя... преобразующей влияние всех остальных социальных факторов» [1, с. 16].

Я полагаю, что в условиях вынужденной маргинализации профессиональное философское мышление воплощается в решении задач любой сложности и находит свое выражение в различных формах.

Для иллюстрации тезиса вновь вернемся в сферу русской эмигрантской философии и привлечем к анализу те материалы и наработки, которые мы находим в книге Терезы Оболевич «Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре» [20], которая помогает проанализировать две «нетрадиционные» формы выражения профессионального мышления – это *публичные лекции и личные письма*. Именно их хотелось бы кратко охарактеризовать и начать при этом с публичных лекций.

По моему мнению, именно *сильной* стороной русской традиции философствования является отсутствие у нее стремления к элитарности, но трактовка себя именно как *философского мировоззрения* и связанное с этим стремление изложить глубокие философские мысли доступным способом. Можно сказать, что русская традиция философствования в меньшей степени заслуживает упрека в «отсутствии связи между профессиональной философией и массовым сознанием общества» [15]. Может быть, как раз потому, что в эмиграции эта традиция утрачивает статус академической.

¹ В его эмигрантских публикациях можно встретить лишь одно упоминание его принадлежности к русским институтам в Берлине, а именно к Русскому научному институту. Работа «Die russische Philosophie der letzten fünfzehn Jahre» [32] подписана «von Prof. Dr. S. Frank, z. Zt. an dem russischen wissenschaftlichen Institut in Berlin».

К одной из форм выражения профессионального мышления относится *публичная лекция*, которая представляет собой уникальное событие: специалист должен донести до обывателя, говоря современным языком, научный контент, используя при этом понятия и термины, которые способна воспринять конкретная аудитория.

Данная форма изложения философского, да и любого научного знания в современных реалиях набирает все большую популярность. Существует даже мнение о том, что «публичные выступления научной общности вне академической среды появились не так давно» [17], что, разумеется, не соответствует действительности. И в качестве наглядного опровержения тому можно привести лекционные туры Франка по Европе. Речь идет о публичных лекциях, прочитанных им в Италии в 1923 г., в Латвии, Эстонии и Литве в 1928 г. и во время его турне по Германии в 1930–1932 и в 1934 гг.

Т. Оболевич не ограничивается простым описанием лекционных туров философа, но раскрывает *смысловые аспекты этих событий, анализирует контекст и цель публичных выступлений Франка*.

Проанализировав данные о составе аудитории, которая присутствовала на лекциях, а также печатные отклики на его выступления, исследователь приходит к выводу о том, что к ним был проявлен высокий интерес. К примеру, в Италии и Риге залы не вмещали всех желающих. На лекции приходило много молодежи. А поскольку Франк выступал не только на русском, но и на немецком языке, заполненность залов может говорить о проявленном интересе к его лекциям не только среди русских эмигрантов.

Если попытаться оценить такую форму выражения философского мышления как публичная лекция, то будет достаточно сослаться на античность: публичные выступления были «легитимными» формами не только трансляции философского знания, но и философствования как такового. Но в силу локализации философии в университетах происходит постепенное вытеснение публичной лекции в область маргинального. Однако сегодня происходит не просто «легитимизация» данного феномена, а также его популяризация и актуализация.

Так, А.А. Гусейнов в статье «О назначении философии» особо подчеркивает «наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык» [7, с. 94]. Он пишет: «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой “переходник”, позволяющий переводить текст с одного языка на другой, и *может ли это делать один и тот же человек – особый вопрос* [курсив мой. – О.Н.]» [7, с. 94].

Как показывает анализ Т. Оболевич, Франк с поставленной задачей справлялся достойно, хотя и сетовал на то, что чтение публичных лекций дается ему намного труднее, чем чтение лекций студентам¹.

¹ Один из формальных признаков профессионализма – получение дохода от занятия своей деятельностью – здесь также присутствовал, поскольку лекции Франка были платными.

Т. Оболевич относится к тем исследователям, которые активно вводят в оборот весьма ценные в научном отношении, хотя «в должной мере еще не оцененные исследователями» [24, с. 179], источники информации, такие как *личные письма*¹. До недавнего времени они оставались вне поля зрения франковедов в силу отсутствия *адекватной методологии* для раскрытия их информационного потенциала².

Если искать в письмах дополнения или зачатки тех идей Франка, которые нашли свое выражение в завершенных текстах, то число представляющих интерес с этой точки зрения писем будет весьма незначительным. Руководствуясь данным подходом, редакция журнала «Логос» в 1990-х гг. прошлого века опубликовала лишь четыре письма из весьма обширной переписки Франка и Л. Бинсвангера, которая имела у нее тогда на руках [29].

В настоящее время исследователями достаточно эффективно опробуются различные методы аутентичного раскрытия содержания эпистолярного наследия философов.

Т. Оболевич использует в своей работе метод, который можно было назвать *контекстуальным*, когда, с одной стороны, содержание писем встраивается в более широкий ситуативный контекст, что позволяет их содержанию «звучать», а с другой стороны, письма Франка используются для воссоздания культурно-исторического контекста его личной жизни³.

А издатели переписки Франка и Бинсвангера К.М. Антонов, Г.Е. Аляев и Ф. Буббайер воспринимают письма не только как источник биографических сведений, но и как своеобразную «творческую лабораторию», которая демонстрирует «работу над такими важнейшими произведениями как “Непостижимое” у Франка – в русском и немецком его вариантах и “Основные формы и познание человеческого бытия” у Бинсвангера» [29, с. 1]. То есть, с их точки зрения, они становятся способом выражения движения философской мысли.

В качестве заключения. О методе сетевых взаимодействий

В завершение, дополняя вышеизложенное, хотелось бы упомянуть Рэндалла Коллинза – американского философа и социолога, автора книги «Социология философий»⁴. Он является разработчиком методики оценки ценности философии и значимости философов, которая получила название *методика сетевых взаимодействий*. Ее суть сводится к следующим трем шагам:

¹ В книге она публикует как еще не проанализированные письма, так и уже осмысленную в совместных публикациях с Г.Е. Аляевым переписку.

² Насколько сложной является проблема разработки методов исследования эпистолярных источников см. диссертационное исследование И.В. Кобак [11].

³ Исследователи указывают на то, что методика источниковедческого исследования, разработанная А.С. Лаппо-Данилевским, предполагает воссоздание и изучение источника в культурно-историческом контексте эпохи [1, с. 8–9].

⁴ В русском переводе книга издана в 2002 г.

«Во-первых, следует собрать большое количество исторических описаний некоторой области культурного производства: это могут быть – в том числе – философы» [27, с. 36].

«Во-вторых, нужно ранжировать интеллектуалов в соответствии с долей внимания, полученной ими в позднейших исторических источниках [курсив мой. – О.Н.]» [27, с. 36]. По мнению Р. Коллинза, «невозможно оценить значительность современников до тех пор, пока более поздние поколения не станут использовать имена прежних мыслителей как символы, или эмблемы, определенных способов мысли» [27, с. 37].

И в-третьих, необходимо произвести «исследование личных связей» между философами: «Кто был учителем каких учеников? Кто был чьим другом или коллегой?.. Кто чьим был соперником или противником? Велись ли споры в частном порядке, на публике или в письменной форме?» [27, с. 37]. И на основе информации такого рода о связях можно начертить сетевую схему: «“вертикально” во времени – от одного поколения к другому и “горизонтально” – среди современников, являющихся коллегами, союзниками, а также соперниками» [27, с. 37].

Вполне возможно, что противостоять попыткам маргинализации и депрофессионализации русской философии можно было бы в том случае, если бы удалось объединить метод Р. Коллинза с теми эмпирическими наработками, которые делает Т. Оболевич и другие исследователи, которые используют тот же эмпирический метод в своей работе.

Литература

Исследования

1. Баталов А.А. Профессиональное мышление: философские проблемы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Свердловск, 1986.
2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 8. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/0802.htm>.
3. Буббайер Ф. С.Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950. М.: РОССПЭН, 1995.
4. Валиуллина Г.Г. Методы диагностики профессионального мышления студентов // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6. № 27. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/728>.
5. Васильев И.Ю. О дилетантизме и профессионализме в гуманитарных науках // Народ на земле. URL: <http://narodnazemle.ru/node/107>.
6. Гайденок П.П. Предисловие // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 243–249.
7. Гусейнов А.А. О назначении философии // Философия и история философии. К 90-летию акад. Т.И. Ойзермана. М.: Канон+, 2005. С. I–IX.
8. Ермичев А.А. «Золотой век» русской философии и его закат. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zqtWaq_xod8&t=23s.
9. Климов Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд): Учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003.
10. Красиков В.И. Русские философы-эмигранты: судьбы представителей первой волны в 40–60 годы XX века // Вестник КемГУКИ. 2012. № 19. С. 175–182.

11. *Кобак И.В.* Семейная переписка Гаевских 1820-х – 1880-х гг. как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: СПбГУ, 2015.
12. *Куренной В.* Философия как профессия. URL: <https://postnauka.org/video/15080>.
13. *Литвинский В.М., Иванова Н.В.* Какая философия нужна современной России? (Материалы круглого стола) // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2007. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/02_2007/887-kakaja_filosofija_nuzhna_sovremennoj_rossii_materialy_kruglogo_stola.html.
14. *Малинов А.В.* Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020.
15. *Мальшев И.* Философия: дилетанты «contra» профессионалы // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2011/06/09/366>.
16. Народные университеты // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/education/text/2249833>.
17. *Остривная Е.* Публичная лекция как способ осмысления себя // МЕЛ. URL: <https://mel.fm/blog/yelena-ostrivnaya/62105-publichnaya-lektsiya-kak-sposob-osmysleniya-sebya>.
18. *Петров В.Е.* Проблема классификации профессиональных философов: эпитологическая модель // Философская мысль. 2016. № 3. С. 67–76.
19. *Соломин В.П., Пигров К.С., Султанов К.В.* Дилетантизм как проблема новоевропейской цивилизации // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 68–73.
20. *Оболевич Т.* Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре. Зелена Гура: Uniwersytet Zielonogórski, 2023.
21. *Хуфен К.* Жизненный материал. Культурно-историческое осмысление творчества Федора Степуна // Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 492–500.
22. *Цоя С.* Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии // Русский мир и Латвия: Арабажинские курсы: Альманах. XXXII / Seminarium Hortus Humanitatis; под ред. С. Мазура. Рига: [S. n.], 2013. С. 18–200.
23. *Шевченко В.Н.* Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 5–18.
24. *Шумейко М.Ф.* Переписка как исторический источник и особенности ее сохранения и публикации // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка. Мінск: БДУ, 2008. С. 172–183.
25. *Элен П.* Семен Л. Франк: Философ христианского гуманизма. М.: Идея-Пресс, 2012.

Источники

26. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
27. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
28. Переписка С.Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934–1950) / Отв. ред. К.М. Антонов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021.
29. Четыре письма из переписки: Л. Бинсвангер – С. Франк // Логос. 1992. № 3. С. 264–268.

30. Шопенгауэр А. Об университетской философии // AvidReaders. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/ob-universitetskoj-filosofii.html>.
31. Ясперс К. Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-Дзы, Нагарджуна. М.: ИФ РАН, 2007.
32. Frank S. Die russische Philosophie der letzten fünfzehn Jahre // Kantstudien. 1926. Bd. 31. Heft 1. S. 89–104.
33. Frank S. Der Gegenstand des Wissens: Grundlagen und Grenzen der begrifflichen Erkenntnis. München: Karl Alber, 2000.
34. Frank S. Über die Strömungen in der russischen Philosophie der Gegenwart // Aus deutscher Geistesarbeit. 1928. 4 Jahrg. Heft 6. S. 81–84.
35. Weber M. Wissenschaft als Beruf // Geistige Arbeit als Beruf. Vier Vorträge vor dem Freistudentischen Bund. Erster Vortrag. München und Leipzig: Verlag von Dunker&Humblot, 1919.

Nazarova, Oksana A. *On the involuntary amateurism of Russian emigrant philosophy*

References

1. Batalov, A.A. (1986), *Professional thinking: philosophical problems*, Abstract of D.Sc. Dissertation, Sverdlovsk (in Russian).
2. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia], 3rd ed., vol. 8, URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/0802.htm> (in Russian).
3. Boobbyer, Ph. (1995), *S.L. Frank. Zhizn' i tvorchestvo russkogo filosofa* [S.L. Frank. The Life and Work of a Russian Philosopher. 1877–1950], ROSSPEN, Moscow (in Russian).
4. Valiullina, G.G. (2013), Methods for diagnosing professional thinking of students, *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, no. 27, p. 7 (in Russian).
5. Vasilyev, I.Yu. (2018), On amateurism and professionalism in the humanities, in: *Narod na zemle*. URL: <http://narodnazemle.ru/node/107> (in Russian).
6. Gaydenko, P.P. (2012), Preface, in: Weber, M., *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works], Progress, Moscow, pp. 243–249 (in Russian).
7. Guseynov, A.A. (2004), On the purpose of philosophy, in: *Filosofiya i istoriya filosofii. K 90-letiyu akad. T.I. Oizermana* [Philosophy and History of Philosophy. To the 90th Anniversary of Academician T.I. Oizerman], Kanon+, Moscow, pp. I–IX (in Russian).
8. Yermichev, A.A., *The “Golden Age” of Russian philosophy and its decline*, URL: https://www.youtube.com/watch?v=zqtWaq_xod8&t=23s (in Russian).
9. Klimov, E.A. (2003), *Puti v professionalizm (Psikhologicheskiy vzglyad): Uchebnoe posobie* [Paths to Professionalism (Psychological View): Textbook], Moscow Psychological and Social Institute: Flinta, Moscow (in Russian).
10. Krasikov, V.I. (2012), Russian emigrant philosophers: the fates of representatives of the first wave in the 40–60s of the 20th century, *Vestnik KemGUKI* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 19, pp. 175–182 (in Russian).
11. Kobak, I.V. (2015), *Family correspondence of the Gaevskys from the 1820s to the 1880s as a historical source*, PhD Abstract, St. Petersburg State University, St Petersburg (in Russian).

12. Kurennoy, V., *Philosophy as a profession*, URL: <https://postnauka.org/video/15080> (in Russian).
13. Litvinskiy, V.M., & Ivanova, N.V. (2007), What philosophy does modern Russia need? (Round table materials), *Zhurnal'nyy klub Intelros "Credo New"*, no. 2 URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/02_2007/887-kakaja_filosofija_nuzhna_sovremennoj_rossii_materialy_kruglogo_stola.html (in Russian).
14. Malinov, A.V. (2020) *Issledovaniya i stat'i po russkoy filosofii* [Studies and Articles on Russian Philosophy], RChHA, St. Petersburg (in Russian).
15. Malyshev, I. (2011), Philosophy: amateurs "contra" professionals, in: *Proza.ru*, URL: <https://proza.ru/2011/06/09/366> (in Russian).
16. People's universities, in: *Bol'shaya rossiysskaya entsiklopediya. 2004–2017* [Great Russian Encyclopedia. 2004–2017], URL: <https://old.bigenc.ru/education/text/2249833> (in Russian).
17. Ostrivnaya, E. (2017), Public lecture as a way of self-understanding, in: *MEL*, URL: <https://mel.fm/blog/yelena-ostriwnaya/62105-publichnaya-lektsiya-kak-sposob-osmysleniya-sebya> (in Russian).
18. Petrov, V.E., (2016), The problem of classifying professional philosophers: an elitological model, *Filosofskaya mysl'*, no. 3, pp. 67–76 (in Russian).
19. Solomin, V.P., Pigrov, K.S., & Sultanov, K.V. (2015), Amateurism as a problem of modern European civilization, *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*, no. 4, pp. 68–73 (in Russian).
20. Obolevich, T. (2023), *Semen Frank v evropeyskoy i emigrantskoy kul'ture* [Semyon Frank in European and Emigrant Culture], Uniwersytet Zielonogórski, Zielona Góra (in Russian).
21. Hufen, Ch. (2007), Life material. Cultural and historical understanding of the work of Fyodor Stepun, in: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. 2007*, Nauka, Moscow, pp. 492–500 (in Russian).
22. Tsoya, S. (2013), Russian Institute of University Knowledge in interwar Latvia, in: Mazura, S. (ed.), *Russkiy mir I Latviya: Arabzhinskiye kursy: Al'manakh. XXXII / Seminarium Hortus Humanitatis* [Russian World and Latvia: Arabzhinsky courses: Almanac. XXXII / Seminarium Hortus Humanitatis], [S. n.], Riga, pp. 18–200 (in Russian).
23. Shevchenko, V.N. (2014), Why does society need public philosophy?, *Filosofskiy zhurnal*, no. 1(12), pp. 5–18 (in Russian).
24. Shumeyko, M.F., (2008), Correspondence as a historical source and features of its preservation and publication, in: *Krynicaznaŭstva, arheagrafiya, arhivaznaŭstva ŷ XX–XXI st. u Belarusi: zbornik navukovyh artykulaŷ, prysvechanyh 100-goddzyu z dnya narodzhennya M.M. Ulashchyka* [Crimean knowledge, archaeography, archival knowledge in the 20–21 centuries in Belarus: a collection of scientific articulations, highlighted on the 100th anniversary of M.M. Ulashchyk], BSU, Minsk, pp. 172–183 (in Russian).
25. Ehlen, P. (2012), *Semen L. Frank: Filosof khristianskogo gumanizma* [Semyon L. Frank: Philosopher of Christian Humanism], Ideya-Press, Moscow (in Russian).